

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 115-128
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.115

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part II

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to a well-known yet not specifically studied event, the arrest of Khivan subjects in the Russian Empire in 1836. Different authors offer diametrically opposed interpretations of this event: thus, the Russian researcher R.Yu. Pochekaev views it as an act of self-defense caused by the Khiva-inspired attacks on the Russian subjects, but the British researcher A. Morrison considers it the first step towards the escalation of a conflict which ended with the Khivan campaign. We will consider this event from the point of view of microhistory rather than the history of states and regions, concentrating the attention on the individual strategies and fates of different people connected with the arrest of Khivians, and in doing so we will rely on archive materials, predominantly the documentation of the Orenburg Border Commission.

In the second part of the article, the author comes to four main conclusions. First, the attitude of the Orenburg authorities towards the arrested Khivians was extremely negative, and the Orenburg Military Governor V.A. Perovsky was demonstrating blatant xenophobia, as a result of which even the mistakenly arrested Bukharians and “Kirgiztsy” (an erroneous term used by Russian officials of the time to call various native ethnicities of the region) were not released from Russian captivity. The Khivians were kept in a specially designated building and on extremely small funds, their visits with families were limited, and as a result, 43 of the arrested in Orenburg did not survive Russian captivity. Second, such an attitude towards the arrested Khivians was not universal for the Russian Empire: much better conditions were created for them in Astrakhan, first of all, by allowing them to live in appartements and by allocating them times more funds for daily expenses. Third, the arrest of Khivians didn't give the results in terms of fighting the slave trade which G.F. Gens had hoped for: for the first two years, before Khiva learned about the impending military expedition against her, only 30 Russian subjects were released from Khivan captivity. And, finally, fourth, the Russian authorities were able to achieve success fighting Khivan slave trade in Middle Asia in 1820–1830s only by extremely brutal methods, the number of victims of which is comparable to the number of victims of said slave trade: in the case of the arrest of Khivians they, to free 30 Russian subjects, had to take no less than 400 hostages, of whom more than 40 died in captivity, and the military campaign to Khiva that allowed to free almost 500 slaves from there had cost, by various estimations, 1 000-3 000 dead Russian soldiers.

Keywords: hostages, slavery, captivity, Central Asia, Khanate of Khiva, Orenburg Governorate, V.A. Perovsky.

1. Введение

Если первая часть нашей статьи была посвящена предыстории массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи, то во второй части мы будем писать о жизни хивинцев в плену и о результатах их задержания. Однако прежде чем перейти к основной части нашей статьи, сделаем ряд важных оговорок.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Прежде всего, мы совершенно осознанно не будем касаться сюжетов о том, почему задержать хивинцев русские власти решили именно в 1836 г. и как, собственно, проводилось это задержание. Еще М.А. Терентьев в фундаментальной «Истории завоевания Средней Азии» писал, что «летом 1836 года последовало Высочайшее повеление о задержании, как на оренбургской и сибирской линиях, так и в гор. Астрахани, всех хивинцев» (Терентьев, 1906: 110). В результате сюжет о событиях, непосредственно предшествовавших задержанию хивинцев, выходит за рамки микроистории: при его описании неизбежно придется изучить не позиции отдельных чиновников, но политику Николая I в отношении Средней Азии, т. е. делать как раз то, чего мы в своем исследовании хотим избежать.

Что же касается хода задержания хивинцев, то в связи с ним мы сталкиваемся с другой проблемой. Мы не располагаем делопроизводственными документами, описывающими задержание хивинцев непосредственно по его ходу. Создаваемые же постфактум нарративы русских чиновников о Средней Азии часто крайне идеологизированы и содержат грубые неточности. Так, лично В.А. Перовский упоминал события, связанные с задержанием хивинцев, в своем итоговом отчете по управлению краем. Однако его текст имеет ярко выраженные черты ксенофобии и оправдания собственных ошибок. Военный губернатор даже утверждал, будто бы принятые им в 1836 г. меры (задержание хивинцев и прекращение торговли с Хивой) дали ожидаемый эффект: Хивинское ханство якобы «ощутило недостаток в нужнейших произведениях, которыми исключительно снабжает и может снабдить Хиву Россия» (без уточнения их наименований), «цены на эти произведения повысились непомерно», а «хивинские же произведения, как, например, хлопчатая бумага, подешевела на 50 %» (Отчет..., 2010: 80). То, что хивинцы в такой ситуации все равно не выполнили ультиматумы России, В.А. Перовский связывал исключительно с их «невежеством, фанатизмом, мусульманской гордостью и слепой самоуверенностью» (Отчет..., 2010: 80). Некоторые современные авторы вполне доверяют подобным свидетельствам, например, Р.Ю. Почекаев со ссылкой на отчет В.А. Перовского и документацию Министерства иностранных дел Российской империи утверждает, что «цены на русские товары в Хиве выросли от 15 до 90 %, стоимость же хивинских товаров (в первую очередь хлопчатой бумаги) упала вдвое» (Почекаев, 2017: 213). С нашей точки зрения, свидетельства русских чиновников о результатах предложенных ими мер, доказывающие, что ожидаемый результат был достигнут, но не дал ожидаемого эффекта по «невежеству» хивинцев, не заслуживают ни малейшего доверия (если, конечно, они не подтверждаются иными источниками).

В пользу этого свидетельства и то, что отчет В.А. Перовского содержит недостоверную информацию даже по тем вопросам, которые касались ситуации в Оренбургской губернии и легко могли быть уточнены ее губернатором. Так, как раз описывая интересующий нас сюжет задержания хивинцев, В.А. Перовский допустил грубую ошибку, очевидную при сличении его текста с материалами Оренбургской пограничной комиссии. Оренбургский губернатор писал о выполненном им приказе императора «задержать на юго-восточной границе России всех хивинских купцов» (Отчет..., 2010: 80). Между тем из материалов Оренбургской пограничной комиссии следует, что в числе задержанных хивинцев были «работники купцов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 19) и люди, занимавшиеся «препровождением Караванов Бухарских и Хивинских на своих верблюдах из платы», т.е. киргизцы-проводники (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 46-47). Таким образом, неверным оказывается уже восходящее к текстам русских чиновников определение всех задержанных хивинцев исключительно как «купцов» (определение Р.Ю. Почекаева) (Почекаев, 2017: 212) или «merchants» (определение, которое предлагает А. Morrison) (Morrison, 2021: 89). Избежать подобных ошибок можно только одним способом: отказавшись от описания тех сюжетов, для изучения которых мы не располагаем первичными источниками, созданными по ходу событий их непосредственными наблюдателями и описывающими ситуацию на уровне частных фактов и судеб отдельных людей, без широких обобщений.

Выполненное нами описание содержания хивинцев в русском плену тоже крайне неполно, поскольку на имеющуюся у нас источниковую базу крайне негативно повлияла ксенофобия русских чиновников. Положение пленных, их чувства, даже их быт в сохранившихся документах оренбургского пограничного начальства описываются редко и крайне отрывочно. Чаще всего в деле о содержании хивинцев в Оренбургской губернии встречаются документы двух тематических групп: документы финансовые (В.А. Перовский неоднократно поднимал вопрос о том, «не оставалось ли какой-либо экономии от довольствия Хивинцев») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 155) и документы о смертях заложников, причем многие из них крайне лапидарны («Командующий Уральским Казачьим войском Подполковник Назаров от 25 Апреля уведомил Пограничную Комиссию, что из числа содержащихся в городе Уральске Хивинцев один, Ишнияз Бакиев, 17 числа Апреля от продолжительной болезни умер» – это полный, не считая чисто делопроизводственных элементов, текст одного из документов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 309). В то же время дошедшие до нас немногочисленные жалобы самих хивинцев и их родных на тяжесть русского плена крайне велеречивы и риторически приукрашены (например, к цесаревичу Александру Николаевичу они обращались так: «Царь и Повелитель Вселенной, питатель и утешитель бедных, щедрый, великий и могущественный, как Соломон, правосудный Государь») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 131).

В полной мере доверять им нельзя уже из-за подобной гиперболизированной стилистики, даже если учитывать возможность сознательной лжи заложников для улучшения своего положения.

В результате русский нарратив о задержанных хивинцах крайне сух, отрывочен и раскрывает преимущественно вопрос о том, сколько на заложников уходило денег. Нарратив хивинских пленников, напротив, настолько эмоционален и насыщен трагическими элементами, что очевидна его риторическая природа, соответствующая среднеазиатским традициям обращения к чиновникам. Поэтому в своем описании пребывания хивинцев в русском плену мы сосредоточимся в основном на четырех вещах, возможно, не самых важных, но именно тех, которые можно объективно оценить на основании крайне специфической делопроизводственной документации. Мы сосредоточимся на том, кто вообще был захвачен русскими властями; на том, как финансировалось содержание пленных; на том, как русские чиновники реагировали на прошения хивинцев; и на том, сколько хивинцев не дожило до освобождения.

2. Материалы и методы

Как и в первой части нашей статьи, мы будем изучать ситуацию с хивинскими пленниками на уровне микроистории, рассматривая их не как своеобразный козырь во время дипломатической игры Российской империи и Хивы в 1836–1839 гг., а как жертв этой игры. Соответственно, нас будут интересовать не действия русских и хивинских центральных властей, а индивидуальные стратегии русских региональных чиновников, получивших приказ задержать хивинцев. Напомним, что, согласно К. Гинзбургу, «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению» (Гинзбург, 2004: 312). И как раз на основе разбираемого в этой части нашей статьи материала мы сможем убедиться, что социальная конфигурация, сложившаяся в среде оренбургских пограничных властей, влияла на логику российской политики в Средней Азии в целом. А, в свою очередь, эта социальная конфигурация была в значительной степени следствием индивидуальной стратегии В.А. Перовского, специфику которой мы реконструируем в ходе своего исследования. При этом мы также покажем, что данная стратегия была именно индивидуальной: в соседней Астрахани губернатор И.С. Тимирязев занял по отношению к хивинцам совершенно иную позицию (что, в свою очередь, породило совершенно иную социальную конфигурацию в регионе для задержанных хивинцев). Опираясь мы будем, как и в первой части нашей статьи, исключительно на архивные источники, на дело оренбургских властей о содержании хивинских пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996).

Аналогичным образом, с позиции микроистории, мы будем анализировать и последствия массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г. Нас не будет интересовать влияние данного события на авторитет России в Средней Азии, реакция на него британских агентов и т. п. Мы обратимся преимущественно к вопросу о том, помогло ли задержание хивинцев решить задачу, которую с его помощью планировал решить Г.Ф. Генс в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках»: были ли «освобождены из Хивы все Российские пленники», и вообще сколько русских рабов удалось освободить русским чиновникам столь экзотическим путем, путем задержания подданных страны, которой не была объявлена война. Соответственно, мы обратимся к материалам о вышедших из Хивы русских подданных: для 1837 г. это архивные материалы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1), а для 1839 г. – материалы опубликованные (Ermachkov, 2021: 26-34). При этом нас все еще будет интересовать индивидуальная стратегия В.А. Перовского в борьбе со среднеазиатским рабовладением.

3. Обсуждение

Поскольку общую характеристику работ, в которых упоминается массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г., мы уже давали в первой части нашей статьи, здесь отметим лишь, что до сих пор единственным текстом, в котором сообщается хоть какая-то информация о том, как задержанные хивинцы жили в русском плену, остается «История завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева. Информация эта, однако, сводится к тому, что злокозненные хивинцы все время пытались обманывать честных русских чиновников: «Задержанные прибегали ко всевозможным уловкам: отказывались от подданства Хивы, уверяли, что товары принадлежат не им, а бухарцам; некоторые даже заявляли желание вступить в русское подданство, но все это оставлено без внимания» (Терентьев, 1906: 111). Как мы увидим далее, действительности соответствует только то, что русские власти оставляли жалобы хивинцев без внимания. Некоторые же из этих жалоб отнюдь не были уловками, но подтверждались независимыми источниками.

4. Результаты

Хивинские пленники в Оренбуржье

В августе-сентябре 1836 г. только в Оренбурге было задержано 372 хивинца (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 5-50б.). Об отношении местных властей к заложникам лучше всего свидетельствует документ, отправленный оренбургским военным губернатором В.А. Перовским к К.В. Нессельроде

сразу же после этих событий. Русское правительство изначально не собиралось оплачивать содержания пленников, рассчитывая, что все расходы на них будут компенсироваться за счет их собственного имущества: дословно предполагалось «выдавать каждому по мере нужд и требований необходимое для содержания количество денег с учетом из собственности его» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1). Однако В.А. Перовского данный вариант не устроил, причем его риторика столь показательна, что мы приведем соответствующее место целиком: «Если рассчитываться с каждым человеком порознь, то, при тупости, скрытности и сварливости Азиатцов, надобно почти на каждого из них по пристапу, который, сверх того, должен бы вооружиться необыкновенным терпением, чтобы расспросить, рассчитать и вразумить каждого; надобно было бы при этом входить в частные расчеты каждого из них, и расчетам этим не было бы конца» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1). В итоге В.А. Перовский предлагал выделять на каждого задержанного 25 коп. в сутки, компенсируя потом эти расходы из их имущества, а если у кого-то имущества не окажется, то за счет имущества других заложников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 106-2).

Оренбургская пограничная комиссия нашла даже такое финансирование пленников избыточным и предложила сократить его до 20 коп. в сутки (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 170б.). В.А. Перовский данное предложение немедленно одобрил (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 18). А вот у имперских властей возникли вопросы: министр финансов Е.Ф. Канкрин писал В.А. Перовскому, что лично К.В. Нессельроде считал содержание в 25 коп. в сутки совершенно недостаточным, и в итоге Николай I повелел выделять 50 коп. в сутки на пленника и не требовать с них компенсации этих расходов за счет имущества (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 38-38об.). Однако В.А. Перовский продолжил доказывать, что больше 25 коп. на пленника в день выделять никак нельзя, ибо они и так «довольствуются весьма хорошо», а увеличение финансирования увеличит расходы казны и приведет к злоупотреблениям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 39-40). В итоге 25 ноября 1836 г. было утверждено, что финансирование задержанных в Оренбурге хивинцев будет производиться за счет казны, но выделяться при этом им будет только 25 коп. на человека в сутки (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 79).

Когда с задержанных начали собирать показания, 14 из них сказались вообще не хивинцами, а бухарцами, киргизцами, а один даже «аравитянином» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 44-45). Именно в данном случае русские власти первоначально сочли нужным проверить полученную от заложников информацию: Оренбургская пограничная комиссия, обратившись к лояльным России бухарцам и киргизцам, получила подтверждения показаний некоторых пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 45-47). Показания остальных не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, но ни одного случая лжи русскими чиновниками выявлено не было (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 45-47). Однако В.А. Перовский отказался отпускать задержанных со следующим обоснованием: «Показания эти кажутся мне частью подозрительными, а свидетельство караванного начальника Атамбаева в глазах моих никакого весу не имеет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 44). Следов дальнейшей проверки показаний хивинских пленников русскими властями нам обнаружить не удалось, но августе 1837 г. проезжавший Оренбург бухарский посланник Караул-Бек Курбан-Бек Ашурбеков сам обратился в Оренбургскую пограничную комиссию, подтвердив показания 4 задержанных, назвавших себя бухарскими подданными, и требуя их немедленно освободить или хотя бы сообщить бухарскому эмиру об их задержании (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 129-130). В.А. Перовский ответил согласием (снова обращаем внимание на саму риторику текста): «Освободить, объявив посланнику, что за таковым уважением его ходатайства Русское Правительство надеется, что затем и Бухарский Владыка не затруднится выдачей задержанных в Бухаре Русских подданных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 129). Таким образом, русские власти не просто ошибочно задержали людей, не являвшихся хивинскими подданными. После того как предварительное расследование подтвердило тот факт, что в числе заложников есть киргизцы и бухарцы, это расследование фактически свернули, а ошибочно задержанных оставили в плену, ничего не сообщив бухарскому правительству. Для двух захваченных это имело роковые последствия. Был еще один, пятый, заложник, позиционировавший себя как «Бухарский подданный», Ирмаммет Тюребеков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 44), но до августа 1837 г. он просто не дожил, скончавшись в ночь с 23 на 24 ноября 1836 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 68-68об.). 6 июня 1839 г. умер Чука Байджулов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 255), который в показаниях «назвался Киргизским Ходжой, кочующим в Байулинском роде на реке Эмбе» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 45.).

Вообще смертность среди захваченных хивинцев была заметной. В их числе были старики и больные. Так, в октябре 1836 г. выяснилось, что один из задержанных, Баба Мамет-назаров, абсолютно слеп (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 48-48об.). Только после этого Оренбургская пограничная комиссия обратилась к В.А. Перовскому, чтобы «покорнейше просить предписания, не благоугодно ли будет приказать поименованного Хивинца во избежание напрасных для него издержек освободить из-под стражи и отослать в Оренбургскую Таможню для выпровождения в его отчизну» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 48об.). Когда оказалось, что караванов из Оренбурга в ближайшее время не выходит, Оренбургская пограничная комиссия передала Мамет-назарова бухарцу Мирхалиму Мирхусеинову, взявшему на себя расходы по его содержанию (ОГАОО. Ф. 6.

Оп. 10. Д. 4996. Л. 56-560б.). Но это единственный случай освобождения больного хивинца, который нам удалось выявить. Обычно же больных только отправляли в военный госпиталь. Например, в том же октябре тяжело заболел хивинец Мадамин Джаббаркулов, семья которого находилась в Оренбурге, и штатный врач пограничной комиссии рекомендовал отпустить его для излечения на квартиру, поскольку «для совершенного поправления здоровья его нужно ему спокойствие и тишина, а также и пища по слабости его переменная и по вкусу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 49-490б.). Все тот же бухарец Мирхалим Мирхусеинов выразил готовность выступить поручителем за пленника, после чего Оренбургская пограничная комиссия рекомендовала отпустить его на поруки сроком до недели (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 490б-50). Но В.А. Перовский наложил на соответствующий документ резолюцию: «Согласен, но для лучшего его пользования полагал бы лучше отправить его в госпиталь» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 49). Что же касается возраста задержанных, то, например, 2 февраля 1839 г. умер хивинец Ибрагим Джабаркулов «по старости лет, коих имел от роду 80» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 237). Упомянутому выше Чуке Байджулову на момент смерти, по данным русских властей, вообще было 85 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 255).

Опишем детально все случаи смерти хивинских заложников, задержанных в Оренбурге, за первый календарный год их содержания под стражей, т. е. за сентябрь-декабрь 1836 г. Первая смерть произошла 17 сентября. От неуказанной болезни скончался Яхья Ходжибаев, всего за день до этого переведенный из артиллерийского лагеря, где первое время держали пленников, в госпиталь (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 20). 2 октября в артиллерийском лагере умер Доснияз Павланкулов: он болел давно, «тело его все пожелтело», но якобы другие хивинцы «полагали его не трудно больным и никому о том не сказывали» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 26-260б.). В ночь с 23 на 24 ноября умер, как мы упоминали выше, Ирмаммет Тюребеков: он болел «простой желудочной горячкой», но его болезнь не сочли тяжелой и не отправили в госпиталь из дома, куда перевели хивинцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 68-680б.). На следующую ночь, с 24 на 25 ноября, умер Ходжанияз Абдуллин, причем снова оказалось, что ему нездоровилось давно, но это не принимали всерьез. В показаниях его соседей по комнате говорилось, что покойный «никогда не жаловался на болезнь, как только изредка говорил иногда, что у него болит голова, но боль эту относили к тому, что она происходит от тепла в комнатах» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 73). 26 ноября в госпитале умер от гнилой горячки Исмаил Хасанов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 77). 13 декабря там же и по той же причине скончался Шир-нияз Кулвейзов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 91). В ночь на 30 декабря умер Мухамет Пана Мухамметьрасулев, «одержимый застарелым неизлечимым удушьем» и последние месяцы постоянно принимавший некие лекарства (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 92). Наконец, около полуночи в ночь с 31 декабря 1836 г. на 1 января 1837 г. умер от нервной горячки Юсуп Регинов. Причем из оренбургского военного госпиталя жаловались, что больного доставили к ним в безнадежном состоянии, а штатный лекарь оренбургской пограничной комиссии это отрицал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 94-95).

Поскольку чем дальше, тем менее подробно русские власти сообщали о смертях хивинцев, мы не будем реконструировать детали дальнейших смертей, но сведем всю информацию по данному вопросу (для заложников, задержанных в Оренбурге) в одну таблицу:

Таблица 1. Данные по смертности хивинцев

Период	Число хивинцев на начало периода	Умерло за период	Смертность в месяц	Расчетная годовая смертность
Сентябрь-декабрь 1836 г. (4 месяца)	372	8	2	24 (6,4 %)
Январь-июнь 1837 г. (6 месяцев)	364	6	1	12 (3,3 %)
Июль-декабрь 1837 г. (6 месяцев)	358	3	0,5	6 (1,7 %)
Январь-июнь 1838 г. (6 месяцев)	350 (5 освобождено в предыдущий период)	5	0,83	10 (2,8 %)
Июль-декабрь 1838 г. (6 месяцев)	345	5	0,83	10 (2,9 %)
Январь-июнь 1839 г. (6 месяцев)	352 (12 захвачено в предыдущий период)	4	0,67	8 (2,3 %)
Июль-декабрь 1839 г.	348	1 (?)	0,17	2 (0,6 %)

(6 месяцев)				
Январь-июнь 1840 г. (6 месяцев)	347	11	1,83	22 (6,5 %)
Всего за сентябрь 1836 г.- июнь 1840 г. (46 месяцев)	372+12	43 (12,5 %)	0,93	11 (3 %)

Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 20-321; Терентьев, 1906: 112-113

С учетом неоднократно зафиксированного нами ксенофобского отношения русских властей к хивинцам смерть части заложников могла остаться незафиксированной в делопроизводственной документации. Нам кажется крайне необычным, что с июля по декабрь 1839 г. отмечена смерть всего одного хивинца, а именно в это время пограничные власти готовились к военной экспедиции против Хивы и могли менее внимательно относиться к рутинной документации. Таким образом, приведенные нами данные являются минимальной оценкой смертей хивинских заложников в русском плену и могут в дальнейшем быть несколько скорректированы в сторону увеличения. Но даже из них следует, что четыре года русского плена не пережило 43 хивинца, т. е. умер примерно каждый десятый.

Страдало и имущество хивинцев. 4 октября 1837 г. русские солдаты, охранявшие конфискованные у хивинских торговцев товары, украли какую-то их часть (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 157-1570б.). 9 октября один из этих солдат, В. Хапов, был замечен офицером, когда продавал красное сукно. После расспросов он сознался, что украл его из конфискованных хивинских товаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 157-1570б.). Была произведена проверка имущества хивинцев, хранившегося опечатанным на гостинном дворе, и оказалось, что повреждены печати на дверях двух помещений: в одном из них взломали 4 больших сундука (еще один пытались взломать, но не смогли), а в другом – 4 больших и 3 малых сундука (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1570б-158). К сожалению, архивных материалов о дальнейших событиях, прежде всего о том, компенсировали ли хивинцам украденное, нам обнаружить не удалось.

Впрочем, куда более серьезным был не прямой, а косвенный ущерб, нанесенный десяткам хивинских семей задержанием на четыре года сильных и работоспособных мужчин. Уже в ноябре 1836 г. к председателю Оренбургской пограничной комиссии, т. е. к Г.Ф. Генсу, обратилось несколько хивинцев, чьи родные на момент их задержания находились в Оренбурге и в Сеитовском посаде. Эти люди просили отпустить их к семьям, ссылаясь на «нужду тех семейств в содержании» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 55-550б.). Как мы помним, в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках» Г.Ф. Генс указывал на то, что семьи захваченных в рабство русских подданных «находятся частью без способов к пропитанию», и призывал к жестким мерам против хивинцев, в том числе, и на этом основании. Однако, когда в аналогичной ситуации оказались семьи задержанных русскими властями хивинцев, Г.Ф. Генс и возглавляемая им комиссия повели себя более чем двусмысленно: они сочли себя «не в праве отказать в изъясненной просьбе» и оставили этот вопрос на разрешение В.А. Перовскому, но одновременно сообщали ему, что находят «неудобным удовлетворить таковую просьбу Хивинцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 55-550б.). Оренбургский военный губернатор был лаконичен и наложил на дело резолюцию из одного слова: «Отказать» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 55). Летом 1837 г. 11 хивинцев подали прошение уже на имя цесаревича Александра Николаевича, живописуя тяжкое положение своих родных («семейства наши, будучи принуждены сносить голод и наготу, со слезами приходят к нам») и умоляя отпустить их жить вместе с семьями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 131-1310б.). «Удовлетворение просьбы их оказывается неудобным», – отвечал В.А. Перовский (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 131-132). Не удовлетворялись даже прошения о том, чтобы дать хивинцам чаще видиться со своими семьями. Самый пронзительный из подобных документов был подан в начале 1839 г. начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса П.И. Рокасовскому: в нем 11 пленников сообщали, что «в продолжение 6-ти месяцев не имели случая видеться с нашими семействами» и «есть слух, будто у одного из нас умерла жена, но настоящего узнать не имеем возможности», после чего просили разрешить им ежедневно ходить под конвоем на свидания с родными (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 240-2400б.). «Настоящая просьба их удовлетворена быть не может», – отвечал П.И. Рокасовский в том же стиле, что и В.А. Перовский (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 242).

Прошения об облегчении участи их мужей подавали и жены задержанных хивинцев. 27 апреля 1839 г. В.А. Перовский получил прошение от нескольких женщин, не подписавших свои фамилии, которые жаловались: «Мы, женщины без мужей, пропитывать себя никакого состояния и средства не имеем, живем без одежды, и дети наши плачут от голода, нет нам возможности продолжать жизнь. А хозяева выгоняют нас из квартир потому, что мы за квартиру платить не в состоянии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 265). Не вполне понятны дата и адресат прошения еще одной женщины, Халиды Султангуловой, умолявшей выпустить ее мужа, Атабая Мир-Аитова, из тюремного замка хотя бы в

дом к остальным хивинцам, ссылаясь на то, что он, «будучи немолодых лет, удручен печалью о участи своей по Хивинскому делу, сделался нездоровым, имеет у себя Четверых малолетних детей, коих я пропитываю своими трудами, о коих он весьма соболезнует» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 233). Оба этих прошения удовлетворены не были (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 233, 265).

Логике столь жестокого отношения русских властей к задержанным хивинцам лучше всего иллюстрирует как раз случай Аттабая Мир-Аитова. Выше мы упоминали вырванного из Хивы урядника Попова, утверждавшего, что одного из переписывавшихся с русскими властями рабов, Е. Шукина, живым закопали в землю. Согласно его показаниям, основой для обвинений хивинских властей в адрес Е. Шукина послужили сведения, сообщенные из Оренбурга задержанными хивинцами Мадамином Джаббаркуловым, Разумбаем Юсуповым и Аттабаем Мир-Аитовым (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234). На этом основании было начато расследование. Трех подозреваемых хивинцев перевели в тюремный замок, однако найти других доказательств их вины не вышло: внятной информации о том, кому и что именно они писали в Хиву просто не удалось получить (либо с учетом специфики отношения русских чиновников к хивинцам эта информация не удовлетворила их, из-за чего и была сочтена не заслуживающей доверия) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234об.). В итоге Оренбургская пограничная комиссия приняла очередное крайне двусмысленное решение: она признала вину хивинцев не доказанной, но при этом оставила их под подозрением и решила дальше держать в тюремном замке, «дабы не подать послабления другим Хивинцам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234об-235).

Все описанные нами факты, от характеристик В.А. Перовским хивинских пленников до нежелания давать заложникам «послабления», от максимального урезания содержания задержанных до неверия тем из них, кто называл себя бухарцами и киргизцами, рисуют своеобразную, но вполне законченную картину. Отношение оренбургского начальства к задержанным хивинцам изначально было крайне плохим и оставалось таким весь срок их заключения. Сочувствие у В.А. Перовского и Г.Ф. Генса вызывали только русские пленники в Хиве, но не хивинские пленники в Оренбурге. Показательна сама риторика оренбургского начальства: с его точки зрения, если в Хиве в рабстве оказались «несчастные, которые томятся в неволе, непостижимо тяжкой» (напомним, это формулировка Г.Ф. Генса), то в Оренбурге задержали «азиатцов», носителей «тупости, скрятности и сварливости» (а это уже выражения В.А. Перовского).

Безусловно, хивинские пленники могли хитрить и лукавить, желая обманом облегчить свою участь, а нежелание русских властей удовлетворять все их требования можно понять (например, ежедневно выводить под конвоем несколько сотен людей для свидания с семьями действительно было затруднительно). Однако во всем рассмотренном нами комплексе документов нет ни одного случая, когда русские чиновники изобличили хивинцев в явной лжи, зато как минимум однажды информация, отвергнутая как недостоверная, оказалась правдивой (в случае с задержанными, называвшимися не хивинцами, а бухарцами). И однажды обвинение, высказанное русскими в адрес хивинцев, не удалось доказать (дело Мадамина Джаббаркулова, Разумбая Юсупова и Аттабая Мир-Аитова). Показательно, что никаких выводов из этого русские власти сделать не желали (задержанных, называвшихся киргизцами, не отпустили в степь, а Мадамина Джаббаркулова, Разумбая Юсупова и Аттабая Мир-Аитова продолжили держать в тюремном замке). Таким образом, русские власти вполне последовательно рассматривали любое, даже крайне слабо обоснованное подозрение, возведенное на задержанных хивинцев, в качестве основания для жесткого обращения с ними, а любые попытки пленных облегчить свое положение, включая безусловно справедливые, рассматривались как хитрость коварных «азиатцов», создающая неудобства русской администрации.

Итак, в 1836 г. в рамках борьбы с работорговлей в Средней Азии Российская империя взяла в заложники одновременно несколько сотен человек исключительно на основании их хивинского подданства. Задержания проводились с ошибками, и достоверно известно минимум о 4 бухарцах, принятых за хивинцев, которых, однако, категорически отказались освободить на основании их показаний и показаний частных лиц, подтверждающих их подданство. Только почти через год, когда о них узнал бухарский посланник, эти люди были освобождены. Еще 10 человек, отрицавших наличие у них хивинского подданства, освобождены не были даже после этого. 372 хивинца были задержаны в Оренбурге (потом к их числу прибавилось еще 12 человек). В их числе были старики, больные и даже один слепой калека, ставший единственным отпущенным на родину вскоре после задержания. Тем не менее финансирование задержанным выделили крайне скудное (всего 25 коп. в день), и даже имперские власти предлагали его удвоить, что, однако, не было выполнено из-за принципиальной позиции В.А. Перовского. В результате за 4 года заключения умерло 43 человека, включая одного человека, утверждавшего, что он бухарец, и одного человека, утверждавшего, что он киргизец. Родные пленников жаловались на нищету, голод, выселение из квартир на улицу. Некоторые семьи не виделись с мужьями до полугода. Властям, местным и имперским, было подано несколько прошений об облегчении участи задержанных и их семей, но ни одно из них не было удовлетворено. Еще трагичнее ситуацию делало то, что перспективы пленников все эти 4 года оставались совершенно неясны.

С нашей точки зрения, можно даже провести определенную параллель между хивинскими пленниками в Оренбурге и русскими рабами в Хиве (тем более что оренбургские чиновники чаще писали не о «русских рабах», а о «русских пленниках» в Хивинском ханстве) (Peretyatko, 2023: 619-632). При всем различии их ситуаций это были жертвы среднеазиатской системы работорговли в широком смысле слова, включая и жестокие способы борьбы с ней. Риторика Г.Ф. Генса о том, что задержание хивинцев в Российской империи является лишь «мнимой несправедливостью», в конечном счете оказалась ложью. Даже по сравнению с системой взятия в заложники дальних родственников киргизцев, виновных в захвате рабов, практиковавшейся русскими чиновниками в 1820 г., Империя сделала шаг к большему произволу и жестокости своих действий. На сей раз задержания не просто проводились на основании одного подданства, без каких-либо попыток установить степень участия семьи задержанного в работорговле, но были захвачены вовсе посторонние люди, не являвшиеся даже хивинскими подданными, двое из которых умерли в русском плену, но никакого расследования и тем более выплаты компенсации их семьям организовано не было. Как бы ни была благородна цель борьбы со среднеазиатским рабством, те методы, которые в 1836 г. избрали для этой борьбы оренбургские чиновники, были откровенно преступны.

Хивинские пленники в Астрахани

При этом оренбургские власти как минимум с 1838 г. имели перед глазами пример несколько иного отношения к задержанным хивинцам. 17 сентября 1837 г. В.А. Перовский обратился к астраханскому губернатору И.С. Тимирязеву с запросом о том, как велики были расходы на содержание хивинцев в Астрахани (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 171). Возможно, к этому оренбургского военного губернатора побудило желание сэкономить на заложниках еще больше. Вскоре, 4 октября, он обратился к Оренбургской пограничной комиссии, спрашивая, «не оставалось ли какой-либо экономии от довольствия Хивинцев» и ссылаясь на то, что первоначально комиссия считала даже расход в 25 коп. на человека избыточным (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 155). И.С. Тимирязев в Астрахани не было, но астраханский вице-губернатор Е.В. Филиппов сообщил, что на хивинцев было истрачено 151 492 руб., однако все расходы осуществлялись из сумм, «вырученных за проданные их товары» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 171-172об.).

У В.А. Перовского полученная информация вызвала много вопросов. Его удивило не только то, что расходы на хивинцев осуществляются не за казенный счет, но и присланная ему ведомость этих расходов. Например, астраханские власти сочли необходимым оплатить доставку товаров хивинских купцов «в Карантин и оттуда в Таможню», на что ушло 18 077 руб. 10 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 172). «По какому случаю и на какие расходы были затребованы деньги за это?», – вопрошал В.А. Перовский прямо на полях поданного ему документа (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 172). Недоумение у него вызывало и то, например, что хивинцам выдали 3 494 руб. на покупки русских товаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 172об.). В итоге оренбургский военный губернатор 4 января 1838 г. отправил в Астрахань новый запрос, желая уточнить уже ту систему, по которой финансировались там хивинские заложники (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 173-174).

Е.В. Филиппов прислал ответ 8 марта 1838 г. Из него следовало, что астраханские власти просто относились к хивинцам с определенным доверием, что и позволило наладить с ними нормальный, насколько это было возможно в подобных условиях, контакт. Так, оказалось, что хивинские торговцы, «прибывая в Астрахань, денег с собой не привозят» и оплачивают доставку своих товаров, побывав в Астрахани (очевидно, после продажи своих товаров и на выручку с них, но прямо об этом в документе не говорится) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1950б-196). Соответственно, перевозчики товаров хивинцев из-за их задержания остались без оплаты, но И.С. Тимирязев, получив прошение от этих перевозчиков, подтвержденное самими хивинцами, распорядился выплатить затребованные суммы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1950б-196).

Соответственно, и в отношении содержания хивинцев астраханские власти предпочли пойти самым простым и очевидным путем. Разумеется, вести персональные расчеты с каждым задержанным было неудобно и астраханским властям, и они предпочли тоже давать им суточное содержание. Однако это содержание было определено в 50 коп. для «кашеваров» (очевидно, разного рода обслуги торговцев) и в 2 руб. для купцов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196). Таким образом, собственно хивинские купцы в Астрахани получали в 8 раз лучшее содержание, чем в Оренбурге! Правда, лицам, товаров не имеющим, астраханские чиновники сочли возможным не платить вовсе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196-196об.). Зато крайне важно, что деньги выделялись на «наем квартир, отопление и содержание» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196). Таким образом, И.С. Тимирязев сразу дал своим пленникам то, о чем задержанные в Оренбурге хивинцы умоляли Г.Ф. Генса, В.А. Перовского и даже цесаревича Александра Николаевича: дал возможность свободно жить и работать в городе. В подобных условиях отсутствие содержания не имеющих собственных товаров хивинцев не выглядело жестокой мерой.

К сожалению, информации о числе задержанных Е.В. Филиппов не приводил. Однако до 1 декабря 1837 г. собственно на содержание хивинцев в Астрахани было выделено 37 068 руб. 55 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196). Считая, что содержание выделялось с 1 сентября 1836 г., т. е. в течение 457 дней, и

даже исходя из того, что все задержанные были купцами и получали по 2 руб. в сутки, нетрудно посчитать, что их минимально возможное число составляло 40 человек. Мы считаем это важным потому, что в Оренбург сообщили и о смерти одного хивинца в Астрахани. 22 мая 1840 г. И.С. Тимирязев сообщал П.И. Рокасовскому (В.А. Перовский был в отлучке), что скончался хивинец Юсуп Нуров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 320). Если это действительно была единственная смерть астраханского заложника, выходит, что в Астрахани и смертность среди хивинцев была значительно меньше.

Соответственно, в Астрахани не мешали живущим фактически на воле хивинцам покупать русские товары, однако они хранились на гостином дворе под особым караулом (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1960б.). Вероятно, именно арест имущества был фактором, мешающим хивинцам сбежать. Но не бежали и лица, имущества не имеющие. Так, «после смерти Хивинца Нурова никакого имущества не осталось, равно и денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 320).

Иронично, что причиной подобного сравнительно хорошего положения хивинцев в Астрахани в определенной степени была нераспорядительность имперской власти. «Предписания Г. Министра Финансов об отпуске Хивинцам из казны по Высочайшему повелению по 25 ко. в сутки каждому ни Г. Военным Губернатором, ни Астраханской Казенной палатой получено не было», – сообщал В.А. Перовскому Е.В. Филиппов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1960б.). И из всей информации, полученной из Астрахани, именно эта вызвала хоть какие-то действия В.А. Перовского: 19 апреля 1838 г. он написал министру финансов Е.Ф. Канкрину, «покорнейше прося не оставить распространить и на содержащихся в Астрахани Хивинцев выдачу из казны по 25 к. в сутки каждому» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 201-202).

И мы приходим к любопытному выводу. Независимо от оценки самого массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г., дальнейшее их содержание оренбургскими властями было не просто жестоким, но и неоправданно жестоким. Более того, эта жестокость была невыгодна самой Российской империи с чисто прагматической точки зрения: исключительно из-за ксенофобии оренбургских властей и их презрения к «азиатцам» не было реализовано первоначально предполагавшееся содержание пленников за их собственный счет. Пример Астрахани показывает, что при минимальном доверии к хивинцам с последними можно было договариваться, в том числе, в вопросах их максимально дешевого для России содержания. Соответственно, действия В.А. Перовского и Г.Ф. Генса в отношении хивинских пленных были, мягко говоря, неоптимальными не только с этической, но и с прагматической стороны. Но, может быть, они хотя бы позволили достигнуть поставленной цели, и благодаря им из Хивы были спасены русские рабы?

Возвращение русских рабов и война

Определенный эффект задержание хивинцев в России и прекращение торговли с Хивинским ханством, безусловно, произвели. Уже с 1837 г. начался возврат русских рабов, организованный хивинскими властями. Проблема, однако, заключалась в деталях.

В сентябре 1837 г. в Оренбург из Хивы прибыл киргизец Нугаман Иркинбаев с вестью «о готовности тамошнего Хана освободить наших пленных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 152). Даже в степи об этом ходили сильно преувеличенные слухи. 25 октября 1837 г. командир русского отряда, отправленного на встречу ожидаемому каравану с освобожденными рабами, есаул Петров, докладывал, что «караван из Хивы не вышел, хотя и был приготовлен, а с ним и до двух сот Русских пленных, но остановился по случаю возникшего в Хиве Падежа на скот» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 10б-2). Реальность оказалась куда скромнее: 9 ноября бывший пленник киргизцев, а теперь начальник кордонной стражи оренбургской дистанции И.В. Подуров, доложил, что караван все-таки дошел, но в нем только 15 вырученных из Хивы русских (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 4). По внимательному изучению выяснилось, что освобожденных пленников не 200 и не 15, а 25 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 18-190б.). Безусловно, на фоне полной невозможности добиться освобождения русских рабов из Хивы по официальным каналам в первой половине 1830 гг. спасение оттуда двух с половиной десятков поданных Российской империи было крупным успехом. Оренбургские власти, позднее подготовившие о своей успешной деятельности в деле спасения русских пленников специальную статью для публикации в столичных журналах (к сожалению, автор этой статьи нам неизвестен), без ложной скромности описывали этот успех так: «Эти бедняки обязаны были нашему благодушному Правительству за свою свободу. <...>. Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в нашей черте, что здесь делятся что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света» (Ermachkov, 2021: 31). Однако в действительности достигнутый успех был более чем скромным: освобождена была только малая часть от 2 000 русских пленников, содержащихся в Хиве по оценке Г.Ф. Генса.

Еще более скромным достижение русских властей делали некоторые побочные сюжеты. Так, согласно показаниям освобожденного из рабства канонира В.В. Дмитриева, хан Аллакули поручил

своему придворному Кабылбаю «выкупить 25 человек наших пленных, платя за каждого по 40 золотых Хивинских монет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Но Кабылбай решил провести эту операцию максимально выгодно для себя: он «старался набирать пленных подешевле, и потому он привез сюда старых и дряхлых» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Сам В.В. Дмитриев доплатил за свое освобождение 10 золотых монет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Кроме того, согласно его показаниям, «Хивинский Хан никого не принуждал к отдаче пленных, а продажу их предоставил хозяевам на волю» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65-65об.). Очень старый (82 года) казак В.А. Коптягин был куплен всего за 1,5 червонца неким Куйбаком и передан им Кабылбаю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 46об.). В.А. Коптягин утверждал, что в Оренбурге были задержаны два брата Куйбака, и он должен был отдать Кабылбаю своего молодого пленника, А. Михайлова, для их освобождения, но предпочел вместо этого купить старого пленника подешевле (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 46об-47). И.Г. Малышев вообще не был рабом на 1836 г.: хозяин бесплатно освободил его еще в 1832 г., и он, узнав о том, что в Россию собирают караван с освобождаемыми рабами, присоединился к нему самостоятельно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 39-39об.). С.Ф. Чунаев для возвращения в Россию выкупил себя самостоятельно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40об.). Таким образом, реально в Хиве для выдачи в Россию в 1837 г. собрали 25 русских подданных довольно случайным образом: в их числе были и выкупленные из рабства на деньги хана Аллакули старики, и люди, заплатившие своим хозяевам за то, чтобы быть отпущенными на родину, и даже давно свободные. В то же время лично хан отпустил нескольких своих молодых рабов, например, матроса К.И. Лосева, 33 года (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 44об-45об.) и крестьянина И.Т. Тимофеева, 37 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 55-56об.). Чтобы понять реальную логику хивинских властей при отборе пленников, необходимы исследования документов, сохранившихся от Хивинского ханства. Однако в целом складывается впечатление, что хан Аллакули желал продемонстрировать определенные уступки российской стороне и готовность к переговорам, но при этом он не желал ни тратить больших денег на освобождение даже части русских рабов, ни принуждать хивинцев к их освобождению бесплатно. Впрочем, русские власти, судя по всему, на уступки были готовы идти еще меньше: согласно М.А. Терентьеву, взамен 25 прибывших из Хивы русских в Хиву из России отпустили 5 хивинцев (Терентьев, 1906: 112).

И нам остается констатировать, что Г.Ф. Генс допустил в своей записке «О находящихся в Хиве российских пленниках» ошибку, причем ошибку принципиальную, не только утверждая, будто бы задержание всех хивинцев в России является лишь «мнимой несправедливостью», но и предполагая, что подобный шаг заставит хивинское правительство достаточно быстро освободить всех русских рабов на подконтрольной ему территории. В течение «двухгодичного срока», который Г.Ф. Генс первоначально отводил на то, чтобы были «освобождены из Хивы все Российские пленники», угрожая после этого оставить хивинских заложников в России навечно, русским чиновникам по официальным каналам было передано из Хивинского ханства всего 25 человек, причем некоторые из них были свободными, а не рабами. В 1838 г. Аллакули вообще не отправил в Россию ни одного русского пленника, но разрешил вывезти 5 освобожденных рабов частным лицам, желавшим обменять их на некоего задержанного в Оренбурге хивинца (Терентьев, 1906: 113) (напомним, прежде, по свидетельству Г.Ф. Генса, «в Хиве смертная казнь угрожала не только Киргизу, покушающемуся освободить пленника, но и хозяину, соглашающемуся продать его для возвращения в отечество»). В ответ русские власти не только никого не отпустили, но и задержали 13 хивинцев (дипломатического посланника хана со слугами (Терентьев, 1906: 113)).

Как нам представляется, резкое ужесточение позиции русских властей по сравнению с предшествующим периодом, как бы оно ни объяснялось официально, в действительности было вызвано ксенофобией В.А. Перовского и явной неудачей предпринимаемых им мер. Именно из-за массового задержания хивинцев в 1836 г. русские власти оказались в крайне двусмысленном положении. Они не только начали эскалацию прежде тлевшего конфликта, но и задержали несколько сотен подданных чужой страны, а из-за нежелания В.А. Перовского вести диалог с пленниками еще и начали содержать большую их часть на казенный счет, что не входило в первоначальные планы. И теперь русским властям было проблематично выйти из созданной ими ситуации с сохранением лица. Оставалось либо неопределенно долго содержать задержанных хивинцев за казенный счет и под охраной, либо признать поражение, отказаться от ультиматумов, посланных в Хиву, и освободить заложников, либо, наконец, пойти на еще большую эскалацию конфликта, реализовав вариант борьбы с хивинской работорговлей, в начале 1830 гг. русскими чиновниками отвергавшийся, т. е. организовать военную экспедицию против Хивы. С учетом всего написанного выше ясно, что для В.А. Перовского предпочтительным был последний вариант. В конце концов, как мы видели в начале второй части нашей статьи, он и в итоговом отчете по управлению краем настаивал на том, что реализованные им в 1836 г. меры были совершенно правильными и эффективными, а результата не дали лишь вследствие «невежества, фанатизма, мусульманской гордости и слепой самоуверенности» хивинцев. Любопытно, что, согласно М.А. Терентьеву, имперские власти первоначально идею дальнейшей эскалации не поддерживали, и против похода на Хиву выступали как К.В. Нессельроде, так и А.И. Чернышев (Терентьев, 1906: 114).

Тем не менее В.А. Перовский сумел убедить лично Николая I в ее необходимости (Терентьев, 1906: 114). Началась подготовка к ней, и уже весной 1839 г. о готовящемся походе русских войск знали и хивинцы, и киргизцы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 39-39об.). В этих условиях хан Аллакули приступил к активным действиям, причем действиям достаточно хитрым и прагматичным. С одной стороны, резко увеличилась активность по захвату русских подданных на Каспийском море. К.В. Нессельроде писал, что, по сведениям от сбежавших пленников, уже к маю было захвачено и продано в Хиву 164 человека (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 75об.). С другой стороны, в августе в Оренбург неожиданно пришло 80 освобожденных из Хивы русских рабов с посланником хана (Ermachkov, 2021: 27). Посланник представил русским властям и весьма любопытную грамоту Аллакули. Хан выказывал желание дружить с Россией («сие приятное письмо написано для означения дружбы»), утверждал, что на сей раз им освобождены все русские пленные («что же касается до некоторого числа пленников, недавно захваченных Киргизами и Туркменами; то мы, получивши из них к себе часть, и присоединив к ней прежде бывших у нас всех Русских пленных, отправили всех их с Ишнияз Баем к Вам»), и при этом жаловался не только на то, что в России задержаны хивинцы, но и на то, что прежние инициативы по обмену пленными не дали желаемого результата («купцы Хивинские задержаны, и освобождение их зависит от высылки из Хивы Русских пленных, которые несколько уже раз и были отсылаемы в Россию; но из того никакого полезного следствия не оказалось» (Ermachkov, 2021: 29). Логика хивинских властей снова должна быть уточнена по документам, сохранившимся от Хивинского ханства, но можно предположить, что Аллакули, с одной стороны, хотел показать, что может стать гораздо более опасным соседом для России и отнюдь не использует все возможности для нанесения ей вреда, а с другой стороны, предлагал способ прекратить конфронтацию со взаимным сохранением лица.

Реакция В.А. Перовского на грамоту Аллакули показательна и еще раз наглядно демонстрирует, почему русский губернатор не смог договориться с хивинским ханом об обмене пленными. Ни малейшего уважения к своему оппоненту по дипломатической игре В.А. Перовский не проявлял: содержание грамоты Аллакули, по его мнению, было «по обыкновению, ничтожно и заключалось в одном только напыщенном пустословии» (Ermachkov, 2021: 30). Освобождение хивинцами 80 рабов оренбургский военный губернатор трактовал исключительно как реакцию на агрессивные действия России, т. е. в его интерпретации Аллакули просто испугался и искал способы помириться с русскими: «отряды, выдвинутые ныне довольно далеко в степь, возбудили опасения Хана Хивы» (Ermachkov, 2021: 30). Откровенное признание в том, что часть недавно захваченных пленников оказалась в Хиве и, соответственно, за резко усилившимися захватами рабов на Каспийском море стоит именно хивинское правительство, В.А. Перовский рассматривал как ошибку, сделанную «без сомнения только по глупости» (Ermachkov, 2021: 30). Тот вариант, что это наглядная демонстрация возможностей хивинцев в разы активизировать захваты русских рабов, и Аллакули не паникует в ожидании русских войск, но пытается найти способы противодействия Российской империи, русский губернатор не рассматривал. Наконец, демонстрируя полное презрение к хивинской стороне, В.А. Перовский отказался считать сопровождавших рабов хивинцев «Ханскими посланцами» и снова арестовал одного из них на месте, так как была информация, что он владел русскими рабами (Ermachkov, 2021: 30). Остается констатировать, что все разобранные нами тексты В.А. Перовского демонстрируют не столько крайнюю жесткость в отношении к работорговле, сколько ксенофобию по отношению к «азиатцам». Русский губернатор не просто не считал хивинцев за равных, но и отказывался считать их серьезными оппонентами в дипломатической игре по обмену пленниками, и поэтому не вел с ними переговоры, но только выдвигал ультиматумы.

Итак, в 1839 г. из Хивы было освобождено примерно вдвое меньше невольников, чем союзные хивинцам кочевники только весной захватили на Каспийском море. В.А. Перовский презентовал этот факт начальству как «бесстыдство и дерзость Хивинцев», без какого-либо анализа их мотивов (Ermachkov, 2021: 30). Возможно, оренбургский губернатор просто не хотел акцентировать внимания на том, что его политика не только не привела к сокращению работорговли, но и вызвала ее всплеск. Дело в том, что упомянутая нами выше панегирическая статья об успешной деятельности оренбургских властей в деле спасения русских пленников была написана как раз в 1839 г., в связи с освобождением 80 рабов из Хивы, и сразу отправлена в Министерство иностранных дел с просьбой опубликовать ее в столичной печати (Ermachkov, 2021: 31). В ней упоминалось, что большую часть освобожденных в текущем году составляли «астраханские промышленники, плененные на море, во время рыболовства», однако время их захвата не уточнялось (Ermachkov, 2021: 31). Зато подчеркивалось то счастье, которое испытывали спасенные на родной земле: «Многие из пленников всхлипывали и едва сдерживались от рыданий; другие горько плакали и молились вслух за здоровье Государя Императора» (Ermachkov, 2021: 31). В.А. Перовский, очевидно, пытался представить себя перед начальством и образованной публикой спасителем русских подданных из Хивы, и привлекать внимание к крайне неудачному для России балансу захваченных/освобожденных пленников в 1839 г. ему было не выгодно.

Анализ Хивинского похода 1839-1840 гг., начатого вскоре после освобождения хивинцами 80 рабов в ноябре 1839 г., выходит за рамки нашей статьи. Только отметим, что по итогам этого

трагического похода Аллакули все же согласился официально запретить своим подданным покупать русских рабов (впрочем, вопрос о том, насколько исполнялся этот запрет, требует отдельного исследования), но русская армия потеряла 1 054 человека убитыми, 609 больными, многие из которых впоследствии умерли, и около 600 пленными (Косырев, 1898: 543-545). Впрочем, по М.А. Терентьеву, потери были еще выше, просто их скрывали в официальных бумагах, а на самом деле из приблизительно пятидесяти тысяч отряда, вышедшего в поход, назад вернулось менее 2 000 человек (Терентьев, 1906: 165). Таким образом, по крайней мере, здесь Г.Ф. Генс оказался прав: попытка спасти русских рабов из Хивы военным путем привела к большим человеческим жертвам. Тем не менее Хивинский поход по крайней мере разрешил проблему хивинских пленников в Оренбурге: они были освобождены в октябре 1840 г. в обмен на освобождение русских рабов в Хиве (Иванин, 1874: 158). Правда, и здесь есть определенный нюанс: согласно одному из первых летописцев Хивинского похода 1839–1840 гг. М.И. Иванину, Аллакули освобождено было 416 русских «пленных» (т. е. как рабов, так и освобожденных еще в Хиве русских подданных) (Иванин, 1874: 157). Таким образом, число освобожденных было много меньше того числа русских невольников, которое приводил Г.Ф. Генс в своей записке «О находящихся в Хиве российских пленниках». Соответственно, возможно, освобождена была только часть русских рабов. В любом случае спасение 416 рабов в итоге стоило жизней 2-3 тыс. солдат.

5. Заключение

Итак, что касается содержания хивинских подданных в Российской империи после их массового захвата в 1836 г., а также последствий этого захвата, то мы можем сделать следующие выводы.

1. Оренбургское начальство, В.А. Перовский и Г.Ф. Генс, не смогло грамотно организовать содержание хивинских пленников, регулярно демонстрируя ксенофобию и порожденные ею жестокость и небрежность к задержанным. В.А. Перовский открыто позиционировал пленников как «азиатцев», для которых характерны «тупость, скрытность и сварливость». Оренбургские власти последовательно не доверяли пленникам, не принимали во внимание любые их жалобы, даже справедливые, зато верили любым обвинениям в их адрес. Кроме того, заложников хотели держать под постоянным контролем, при этом тратя на них минимум денег. Как итог, в числе заложников 4 года провели в русском плену старики, больные и просто невинные люди, причем невинные не с современной гуманистической точки зрения, но и даже исходя из прежней аксиологии русских властей: из 372 лиц, задержанных в Оренбурге в 1836 г., 14 человек заявили о том, что в принципе не являются хивинцами, однако отпустить их отказались, несмотря на подтверждение их слов дружественными России бухарцами и киргизцами. Условия содержания заложников были плохими, им выделялось заведомо мало денег (25 коп. в сутки на человека из государственного бюджета Российской империи), запрещалось покидать выделенное им здание, а возможности не только содержать родных, но и видеться с ними были ограничены. В итоге только нами выявлено 43 смерти задержанных в Оренбурге лиц, включая двух людей, сказавшихся не хивинцами, причем никакого возмещения семьям умерших выплачено не было.

2. Отношение к задержанным хивинцам астраханского начальства, И.С. Тимирязева и Е.В. Филиппова, было намного гуманнее, т. е. описанные выше жестокости были не универсальной политикой Российской империи, но следствием индивидуальных стратегий лиц, находившихся у власти в Оренбурге. Астраханское начальство, вместо того, чтобы жестко контролировать задержанных, сажая их под замок и выделяя казенное содержание, дало хивинцам возможность жить на квартирах и предоставило им куда большие суточные деньги (50 коп. или 2 руб. для различных категорий), но за счет их собственных товаров. Допускались в Астрахани и иные послабления, облегчавшие положение заложников, но при этом не имеющие негативных последствий для Российской империи, вплоть до разрешения хивинским торговцам покупать русские товары при условии, что купленное будет храниться под охраной вместе с арестованными товарами, принадлежавшими хивинцам до задержания. Судя по всему, в результате даже смертность среди задержанных в Астрахани оказалась сильно ниже: пограничному начальству было сообщено всего об одном умершем хивинце, хотя задержано их там было, по нашим расчетам, не менее 40.

3. Значение, которое имел массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи для освобождения русских пленников из Хивы, однозначно оценить крайне сложно. В промежуток между проведением этого захвата и началом Хивинского похода 1839–1840 гг. из Хивинского ханства было освобождено с целью обмена на заложников 110 человек: 25 в 1837 г., 5 в 1838 г. и 80 в 1839 г. Однако последняя, самая большая партия освобожденных, была отправлена ханом Аллакули в Оренбург, когда он уже знал о готовящемся выступлении русских войск против Хивы, и логичнее связать отправку ее с желанием избежать войны, а не с запоздалой попыткой вернуть на родину взятых русскими заложников. В то же время В.А. Перовский из-за своей ксенофобии фактически не вел переговоров с хивинским ханом о равноправном обмене пленников, вместо этого выставляя ему крайне жесткие ультиматумы с требованием немедленно освободить всех русских рабов сразу. Российская сторона освободила только 5 человек в 1837 г., а в 1838 г. и 1839 г. не только никого не освобождала, но и захватывала хивинцев, посланных для переговоров. При этом,

судя по всей линии поведения В.А. Перовского, он не саботировал переговоры, а совершенно искренне считал, что с любимыми «азиатцами» можно эффективно говорить только с позиции силы. Возможно, иная стратегия ведения переговоров со стороны оренбургского военного губернатора позволила бы обменять задержанных хивинцев на большее число русских рабов.

4. В целом же выявленные нами факты показывают, что меры, применявшиеся Российской империей в борьбе с хивинской работорговлей в 1820-1830 гг., были либо неэффективны, либо вели едва ли не к большим жертвам, чем сама работорговля. В 1820 гг. русские власти брали заложников из киргизцев, но их семьи, дальние родственники и даже предводители не имели рычагов давления на Хиву и обычно не могли вывозить оттуда русских подданных. В первой половине 1830 гг. русские власти пытались выкупить рабов из Хивинского ханства через Бухару, но тоже безуспешно. Массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи привел к первым ощутимым результатам, и его безусловным следствием стало освобождение 30 русских из Хивы (25 в 1837 г. и 5 в 1838 г.). Однако для этого понадобилось взять в заложники более 400 людей, включая невинных, и минимум 44 из них умерли. Военная экспедиция против Хивы позволила освободить почти 500 человек (80 в 1839 г. и 416 в 1840 г.). Но за нее заплатили жизнями не менее 1 054 русских солдат (по некоторым оценкам – значительно более, до 3-х тыс.).

Литература

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской Области.

Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.

Иванин, 1874 – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.

Косырев, 1898 – Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // *Исторический вестник*. № 8. 1898. С. 538-545.

Отчет..., 2010 – Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842). Уфа, 2010. 111 с.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.

Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. 511 с.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

Peretyatko, 2023 – Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.

References

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Ginzburg K. Mify-embemy-primety: Morfologiya i istoriya, Moscow, 345 p. [in Russian]

Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839-1840]. Saint-Petersburg, 268 p. [in Russian]

Kosyrev, 1898 – Kosyrev, E.M. (1898). Pokhod v Khivu v 1839 g. (Iz zapisok uchastnika) [The campaign to Khiva in 1839 (From the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. 8: 538-545. [in Russian]

Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.

ОГАОО – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

Отчет..., 2010 – Otchet Orenburgskogo voennogo gubernatora V.A. Perovskogo po upravleniyu kraem (1833-1842) [Report of the Orenburg Military Governor V.A. Perovsky about the administration of the region (1833-1842)]. Ufa, 2010. 111 p. [in Russian]

Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2023). Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.

Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu. (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century]. Moscow, 384 p. [in Russian]

Terent'ev, 1906 – Terent'ev, M.A. (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. I. [History of the Conquest of Central Asia. Vol. 1.]. Saint-Petersburg, 511 p. [in Russian]

Задержание хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. и российская борьба с работорговлей в Средней Азии. Часть IIАртем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена достаточно известному в историографии, но специально не изучавшемуся событию, задержанию хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. Различными авторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки данного события. Так, российский исследователь Р.Ю. Почекаев рассматривает его как акт самообороны, вызванный инспирированными Хивой нападениями на русских подданных, а британский исследователь A. Morrison считает его первым шагом к эскалации конфликта, завершившегося Хивинским походом. Мы будем рассматривать данное событие с позиции микроистории, а не истории государств и регионов, концентрируя внимание на индивидуальных стратегиях и судьбах различных людей, связанных с задержанием хивинцев, опираясь при этом на архивные материалы, преимущественно документацию Оренбургской пограничной комиссии.

Во второй части статьи автор приходит к четырем основным выводам. Во-первых, отношение оренбургских властей к задержанным хивинцам было крайне негативным, а оренбургский военный губернатор В.А. Перовский демонстрировал явную ксенофобию, в результате чего не были отпущены из русского плена даже очевидно ошибочно задержанные бухарцы и киргизцы, хивинцы содержались в специально выделенном здании на крайне малые средства, были ограничены их свидания с семьями, в итоге 43 задержанных в Оренбурге не пережили русский плен. Во-вторых, подобное отношение к задержанным хивинцам не было универсальным для Российской империи: в Астрахани для них создали куда лучшие условия, прежде всего разрешив жить на квартирах и выделяя в разы большие средства на суточное содержание. В-третьих, задержание хивинцев не дало тех результатов в плане борьбы с работорговлей, на которые рассчитывал Г.Ф. Генс: за первые два года, до того, как в Хиве узнали о готовящейся военной экспедиции против нее, из Хивинского ханства было освобождено только 30 русских подданных. И, наконец, в-четвертых, достичь успеха в борьбе с хивинской работорговлей русские власти в Средней Азии 1820-1830 гг. смогли только крайне жестокими методами, число жертв которых было сравнимо с числом жертв работорговли. В случае задержания хивинцев для освобождения 30 русских подданных пришлось взять в заложники не менее 400 хивинцев, из которых более 40 умерли в плену, а военный поход в Хиву, позволивший освободить почти 500 рабов оттуда, обошелся, по разным оценкам, в 1-3 тыс. погибших русских солдат.

Ключевые слова: заложники, рабство, плен, Средняя Азия, Хивинское ханство, Оренбургское губернаторство, В.А. Перовский.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)